

ПАВЛОВА ОЛЬГА

ЛЁШИНО НЕБО

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОВЕСТЬ

Ольга Павлова

Лёшино небо

«Автор»

2026

Павлова О. В.

Лёшино небо / О. В. Павлова — «Автор», 2026

Первым делом из деревни исчезли мужские голоса, а затем пришла война. Пронзительная история о мальчике, прошедшем через ужасы концлагеря, но сохранившем верность заветам деда. Это книга о памяти, которая не зарастает травой, о мученичестве и о тихом свете веры, который оказывается сильнее колючей проволоки и мартовских морозов сорок пятого.

© Павлова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мирное житие	6
Гром среди ясного неба.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ольга Павлова

Лёшино небо

Мирное житие

В Лешкином детстве небо было огромным и тихим, а солнце – всегда теплым, как мамины ладони. Деревня утопала в садах, и каждое утро начиналось с того, что луч света пробивался сквозь занавеску, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Лешка любил ловить их пальцами, думая, что это крошечные ангелы.

Главным человеком в его мире была бабушка Пелагея. Она вставала засветло, и к моменту, когда Лешка открывал глаза, по избе уже плыл густой, сладкий дух печеных яблок.

– Вставай, косатик, – шептала она, крестя его подушку. – Нынче праздник, Яблочный Спас. Пойдем в гости к Боженьке.

Лешка знал: «в гости к Боженьке» – это в белую церковь на холме. Там пахло совсем иначе: суровым воском, старым деревом и загадочным ладаном, который кружился под куполом сизыми облачками. Мальчику казалось, что, если подпрыгнуть повыше, можно ухватиться за край такого облака и улететь прямо к святым, что строго, но с любовью смотрели со стен.

Во время службы Лешка стоял рядом с бабушкой. Ноги затекали, но он терпел, глядя, как дрожат огоньки свечей.

– Ба, а Он нас видит? – шепотом спрашивал он, кивая на большую икону Спасителя.

– Видит, родной. И каждое твое доброе слово слышит, и каждую мысль. Ты Ему сердце свое открывай, как окошко поутру.

Первые уроки молитвы были простыми. «Господи, помилуй» – это когда разбита коленка. «Слава Тебе, Боже» – когда в траве нашелся самый большой и сладкий малинник. Бабушка учила его, что молитва – это не скучные слова из книжки, а разговор с Самым Главным Другом, Который никогда не предаст.

После службы они освящали яблоки. Лешка бережно держал узел с плодами, и когда капли святой воды падали на румяную кожицу антоновки, ему казалось, что всё вокруг преобразуется, становится чище и звонче. По дороге домой он грыз первое, самое сочное яблоко, и вкус его был вкусом самой жизни – безмятежной, защищенной Божьим крылом и бабушкиной любовью.

Он еще не знал, что скоро это небо затянет черным дымом, а вместо звона колоколов он услышит лязг гусениц. Но этот запах ладана и яблок навсегда останется в его памяти как тайная комната, куда можно спрятаться от любого ужаса.

Деревня, где жил Лешка называлась Ключищи, и стояла она на высоком берегу тихой речушки. Жили небогато, но справно. Быт здесь не отделялся от веры: каждый день был как маленькое служение.

Центром избы была печь – огромная, беленая известью, занимавшая чуть ли не четверть дома. Она была и кормилицей, и лечебницей (Лешку часто грели на ней, когда он простужался). Утром печь «вздыхала», когда бабушка затапливала её, и по стенам пускались в пляс оранжевые тени.

А в самом почетном месте, в Красном углу, висели иконы в расшитых рушниках. Перед ними всегда теплилась лампадка – крошечный «глазок» Бога, который не закрывался даже ночью. Лешке казалось, что пока горит этот огонек, в доме не может случиться ничего плохого.

В сенях пахло сушеной мятой, зверобоем и старой кожей – там висела дедовская сбруя. В самой избе – свежвыпеченным ржаным хлебом и овечьей шерстью.

Скрип колодезного журавля по утрам, щелканье пастушьего кнута и мерный стук бабушкиного веретена по вечерам. Это было похоже на биение сердца самой деревни.

Лешка не просто бегал босиком по росе. Его быт – это помощь:

Принести воды: Коромысло еще было велико, поэтому Лешка носил воду в небольшом ведерке, стараясь не расплескать, ведь «вода – Божья слеза».

Пасти гусей: У него был свой хворостинный пруттик, и он серьезно вел стадо к реке, чувствуя себя важным пастухом.

Сбор трав: Вместе с бабушкой он собирал липовый цвет и подорожник, узнавая, что «каждая травка от своей хвори Богом дана».

Ели из общей большой деревянной чаши. Первым ложку опускал дед. Перед едой обязательно молились, и Лешка знал: нельзя стучать ложкой о зубы или смеяться за столом – это грех против хлеба. Хлеб был святыней: упавший кусочек поднимали, целовали и просили прощения.

Смерть вошла в их дом не с грохотом пушек, а с глухим, страшным известием из леса. Отец Иван, был в деревне первым плотником – его руки, пахнувшие смолой и свежей стружкой, казались Лешке самыми сильными на свете. Говорили, «несчастный случай на лесозаготовках», «бревно сорвалось»... Но для семилетнего мальчика это были лишь пустые слова. Настоящим было другое: тяжелые отцовские сапоги, оставшиеся в сенях, которые теперь некому было надеть.

Мать, тихая и светлая Марья, не кричала. Она будто разом высохла, как трава под палящим солнцем. Лешка видел, как она часами стояла на коленях перед иконой Казанской Божией Матери, но в глазах её уже не было прежнего живого блеска – только застывшая, невыносимая тоска.

– Мам, ты чего? Папа же у Боженки теперь, бабушка сказала, – шептал Лешка, дергая её за край платка.

– У Боженки, сынок... – отвечала она, и голос её звучал так, будто она уже сама была наполовину там, за невидимой чертой.

Она ушла следом за мужем через сорок дней. Старые люди говорили – «от разрыва сердца», а бабушка Пелагея, утирая слезы краем фартука, тихо шептала: «Любовь крепкая, как смерть, не сдюжила Марьюшка в разлуке».

В день похорон матери Лешка впервые почувствовал, как мир вокруг стал огромным и пугающе холодным. В избе стало пусто, и только запах ладана, оставшийся после отпевания, напоминал о том, что еще недавно здесь была семья.

Бабушка взяла Лешку за плечи, повернула к образам и твердо сказала:

– Ну вот, Лешенька... Теперь у тебя только двое родителей осталось: Отец Небесный да Матерь Божия. Они никогда не оставят, никогда не умрут. На Них и держись.

Эта ранняя сиротская доля стала для Лешки первой закалкой. Когда позже, в лагере, другие дети будут плакать и звать маму, Лешка будет сжимать свой крестик и знать: его родители смотрят на него сверху, и он не имеет права сдаться.

– Деда, а я когда вырасту, я тоже буду дома строить, как папка? – Лешка болтал босыми ногами, сбивая росу с высокой травы.

Дед Прохор долго молчал, а потом посмотрел на внука своими выцветшими, но пронзительными глазами.

– Дом построить, Алексей, дело нехитрое. Бревна пригнал, пазы выбрал – вот тебе и стены. Ты лучше о том думай, как внутри себя храм выстроить.

Лешка удивленно моргнул:

– Как это – внутри? Я же маленький, там места нет.

Дед усмехнулся в бороду:

– В душе места больше, чем во всей нашей губернии. Ты вот слушай, что дед скажет, да на ус наматывай. Жизнь – она как река: то тихая, то порогами бьет. Вырастешь – силу в руках почувешь, захочешь мир под себя прогнуть. А ты не силу копи, ты – стержень.

– Какой стержень, деда?

– Человеческий. Чтобы не сломаться, когда ветер злой подует. Запомни, Лешка: правда – она не в том, кто громче кричит, а в том, кто в тишине перед Богом чист. Никогда не бери

чужого – рука отсохнет, не делай подлости слабому – душа ослепнет. Будешь жить по совести – будешь свободным, даже если тебя в цепи заковать.

Лешка тогда не понял про цепи, ему казалось, что свобода – это бежать в поле до самого горизонта.

– А если страшно будет, деда? – тихо спросил мальчик.

– Страх – он как дым: глаза ест, а силы в нем нет, – дед положил свою тяжелую руку Лешке на плечо. – Если страх к горлу подступит, ты не на землю смотри, а в небо. Там Хозяин всего. Скажи: «Господи, я Твой», – и страх отступит. Помни, внук: главное в жизни – человеком остаться. Не числом в бумаге, не щепкой в костре, а образом Божиим.

Эти слова деда – «не числом, а образом» – Лешка вспомнит через несколько лет, когда на его руке выжгут лагерный номер. Он поймет, что дед Прохор видел будущее, и этот разговор станет для него невидимым фундаментом, на котором он выстоит в Бухенвальде.

В деревне Ключищи Пасху ждали так, будто само небо должно было спуститься на землю. Великий пост подходил к концу, изба сияла чистотой – бабушка Пелагея заставила Лешку натирать песком доски пола добела, чтобы «ни соринки для лукавого не осталось».

– Ну, Алексей, берись за дело, – торжественно сказала бабушка в Великую Субботу. – Будем жизнь в цвета одевать.

На столе стояла большая миска с яйцами, собранными от своих кур, а в чугунке на плите уже кипела густая, темно-коричневая вода от луковой шелухи.

– Ба, а почему мы их красим? – Лешка осторожно трогал пальцем гладкое белое яйцо.

– А это, внучек, символ. Яйцо – оно как гроб Господень: снаружи камень камнем, холодное да мертвое, а внутри – жизнь сокрыта. Вот мы его в красный цвет красим, в цвет крови Христовой и радости Воскресения.

Она учила его житейским премудростям:

Узоры от земли: Бабушка достала засушенные с осени листики петрушки и укропа. – Приложи листик к боку, Лешенька, да тряпицей обвяжи туго. Вот тебе и печать Божьей красоты останется.

Блеск радости: Когда вареные яйца доставали из кипящего отвара, они были матовыми и темными. Бабушка давала Лешке тряпочку, смоченную в постном масле. – Потри бочок-то, потри. Видишь, как заиграло? Так и душа после молитвы сиять должна.

Лешка старался вовсю. Его маленькие пальцы были испачканы в луковой краске, но он чувствовал себя причастным к великой тайне. Бабушка в это время вынимала из печи куличи – высокие, румяные, в белых шапках из взбитого белка, посыпанных крашеным пшеном.

– Завтра, Леша, в храме все запоют «Христос Воскресе!», и смерти больше не будет, – шептала она, накрывая куличи чистым полотенцем. – Запомни этот дух, сынок. Это дух Вечности.

В ту ночь они пошли на крестный ход. Лешка нес маленькую свечку, прикрывая огонек ладонью от ветра. Вокруг церкви плыла река огней, и мальчику казалось, что нет на свете ни сиротства, ни голода, ни страха – только этот звон колоколов и тепло бабушкиной руки.

Позже, в концлагере, когда на Пасху им дадут лишь черпак пустой баланды, Лешка закроет глаза и отчетливо увидит то самое «золотое» яичко, сияющее на солнце в их старой избе. И этот вкус пасхальной радости поможет ему не превратиться в зверя.

Гром среди ясного неба.

22 июня 1941 года в Ключищах выдалось таким тихим, что слышно было, как падает роса с лопухов. Небо стояло высокое, выцветшее от жары, и в этом звенящем покое не было ни единого предчувствия беды. Лешка с самого утра убежал на речку – надеялся наловить пескарей, чтобы порадовать бабушку к обеду.

Он возвращался в полдень, размахивая ведерком, в котором плескались три серебристые рыбешки. Но, не дойдя до избы, Лешка замер. Деревня, обычно гудящая дневными заботами, словно онемела. Только у сельсовета, где на столбе висел черный раструб репродуктора, теснились люди.

Мальчик проскользнул сквозь толпу, протиснувшись под локтями мужиков. Он увидел соседа деда Емельяна тот стоял, сжимая в руках кепку так сильно, что костяшки пальцев побелели. Нюрку, которая прижала платок к губам, и в её глазах, еще недавно светившихся радостью воскресного утра, теперь застыл такой холод, что Лешке стало зябко в самый зной.

Из черной воронки радио донесся сухой, ровный голос, произносивший страшные, колющие слова: «...без объявления войны», «вероломное нападение», «граница нарушена».

– Война, – выдохнул кто-то в толпе, и это слово тяжелым камнем упало в пыль.

Лешка не сразу понял, что это значит. Для него война была картинкой из книжки про красную конницу. Но тут он увидел бабушку Пелагею. Она не смотрела на радио. Она стояла лицом на восток, где над лесом возвышался крест сельской церкви, и мелко, часто крестилась.

– Ну вот и Голгофа наша пришла, – тихо, но отчетливо произнесла она.

В тот же миг тишина окончательно треснула. Женщины разом заголосили – страшно, в голос, как по покойнику. Мужики заговорили сурово и коротко.

К вечеру в деревне запахло не яблоками, а гарью: в сельсовете жгли какие-то бумаги. Солнце заходило багровое, тяжелое, будто напитавшееся кровью, о которой еще никто не знал. Лешка залез на печь и долго слушал, как внизу, в темноте, бабушка и дед шепотом читали Псалтирь. В ту ночь он впервые уснул, не сняв крестика, – сжимал его в кулаке так крепко, что на ладони остался глубокий след.

После того страшного июньского полдня жизнь в Ключищах начала стремительно менять свой лик. Деревня будто съежилась, почернела и притихла, готовясь к большой беде.

Первым делом из деревни исчезли мужские голоса. Сначала ушли молодые, потом те, кто постарше. Ушел и дед Лешки, оставив после себя пронзительную тишину и пустые сапоги в сенях. Последние слова, которые сказал дед, осенив внука широким крестным знаменем и заглянув в самую душу, были:

– Держи Бога в сердце, внук. С Ним не пропадешь, даже если весь мир вокруг онемееет.

С того дня деревня словно погрузилась в долгий пост. Бабы повязали черные платки, притихли, и только шепот молитв у икон нарушал тяжелую пустоту пустеющих изб. Лешка теперь вставал с первыми петухами: нужно было и дров наколоть, и за скотиной присмотреть, и затеплить лампадку в углу, как учил дед. Мальчик чувствовал, что тишина эта – не пустота, а испытание, и в каждом скрипе половиц ему слышалось суровое, но любящее дедово наставление. Вера стала для него тем единственным мостиком, который связывал их маленькую Богом забытую деревеньку с теми, кто ушел за околицу в неизвестность.

Теперь на полях остались только женщины, древние старики да дети.

– Работай, внучек, – тяжело дыша, говорила бабушка Пелагея. – Каждое зернышко теперь – пуля по врагу. Труд – та же молитва, если он для других.

Жизнь Лешки превратилась в одну сплошную работу. Десятилетний мальчишка за месяц повзрослел на годы. Теперь он не пескарей ловил, а вместе с бабушкой до кровавых мозолей на ладонях дергал лен и косил траву.

Вместе с былой радостью изменился и вкус хлеба насущного. Исчезли пышные куличи и сахарные петушки. Хлеб теперь пекли пополам с лебедой и толченой корой – он был горьким и тяжелым, как сама жизнь. Бабушка учила Лешку съедать каждую крошку, предварительно перекрестив её.

– Хлебушко сейчас святой кровью полит, – наставляла она. – Гляди, не урони благодать.

Радио в сельсовете замолчало, когда начались бомбежки железной дороги неподалеку. Новости приносили беженцы – измученные люди с узлами, которые шли через Ключищи на восток. Они рассказывали страшное: о горящих селах, о небе, черном от вражеских крыльев.

Раз в неделю в Ключищи забредал старый монах из разоренной обители. Он не просил милостыни, а только кропил колодцы святой водой и шептал Лешке: «Не плотью единой, отрок. Когда хлеб горек, питайся Словом». И Лешка вслушивался в тишину, стараясь среди гула далеких разрывов различить тот самый дедов наказ.

Лешка видел, как бабушка отдавала последнюю кринку молока чужому ребенку, хотя у самой в животе урчало от голода.

– Отдай, Лешенька. Нам Бог подаст, а им уже некуда идти, – шептала она.

Вскоре пришли вести, что немцы уже близко. Последний священник из района велел спрятать церковную утварь. Лешка помогал бабушке закапывать в саду под старой антоновкой тяжелый медный подсвечник и старую икону.

– Земля-матушка сохранит, – крестила яму бабушка. – А мы в душе храм сбережем.

К осени 1941-го деревня стала похожа на крепость, которая ждет осады. Погребов были забиты скудными запасами, а сердца людей – немим вопросом: «Господи, неужели допустишь?»

Октябрьское утро выдалось промозглым, затянутым серым киселём тумана. Ключищи замерли. Даже собаки, всегда звонко лаявшие на прохожих, попрятались в конуры и лишь глухо поскуливали.

Лешка стоял у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Вдруг со стороны проселка донесся странный звук – не конское ржание, не скрип телег, а тяжелый, мерный рокот, от которого мелко задрожали чашки в буфете.

– Идут, – вздохнула бабушка Пелагея, поправляя черный платок. Она подошла к Лешке, положила руку ему на затылок и заставила повернуться к иконам. – Молись, внучек. Не на них смотри, а внутрь себя гляди.

Через минуту туман разорвало. В деревню въехали мотоциклы с колясками, а за ними – приземистые серые машины. Лешка никогда не видел такого цвета: это был цвет мертвого камня или выгоревшей полыни. Солдаты в касках, похожих на перевернутые котлы, соскочили на землю. Их сапоги со стальными подковами выбивали из деревенской грязи искры, и этот звук – клац-клац-клац – казался Лешке страшнее грома.

Один из немцев, высокий, с лицом, застывшим, как гипсовая маска, остановился прямо напротив их избы. Он достал губную гармошку и заиграл что-то веселое, чужое. От этой музыки, неуместной среди тихих русских берез, у Лешки заныло под ложечкой.

– Ба, они же... они же как люди выглядят, – прошептал мальчик, подсматривая в щелку.

– Снаружи – люди, а внутри – тьма кромешная, раз с мечом пришли, – ответила бабушка. Она взяла со стола краюху того самого горького хлеба с лебедой, перекрестила её и прижала к груди. – Ты, Лешка, крестик-то за ворот заправь. Не искушай их злобу, но и от Бога не отрекайся.

В дверь ударили. Громко, по-хозяйски, прикладом.

– Aufmachen! (Открывайте!) – крикнул резкий голос.

Лешка вздрогнул и невольно схватился за бабушкин фартук. В избу ворвался запах чужого бензина, дешевого табака и холода. Немец в офицерской фуражке обвел взглядом комнату. Его глаза задержались на Красном углу, где теплилась лампадка. Он усмехнулся, подошел и, не снимая перчатки, потянулся к иконе Спасителя.

Бабушка Пелагея шагнула вперед, заслонив собой Лешку и образа.

– Не тронь, – тихо, но твердо сказала она на русском. – Это не ваше.

Немец остановился. Он посмотрел на старуху, потом на маленького мальчика, сжимавшего в кулаке что-то на груди. В его взгляде не было ярости – там было ледяное безразличие, которое пугало больше любого крика. Он лишь брезгливо отодвинул бабушку плечом и сорвал расшитый рушник с иконы, чтобы вытереть свои заляпанные грязью сапоги.

Лешка зажмурился. Ему казалось, что сейчас небо упадет на землю. Но небо молчало. Только бабушка едва слышно шептала:

– Прости их, Господи, не ведают, что творят...

В тот день в Ключищах впервые не зазвонили к вечерне. Деревня погрузилась во мрак, в котором слышался только чужой хохот и тяжелый шаг патрулей. Лешка лежал на печи и чувствовал, как медный крестик обжигает ему кожу. Он понял: теперь каждый вздох – это война.

Лешка лежал на печи, вслушиваясь в чужую, лающую речь, доносившуюся с улицы, и в его памяти, как яркий уголек в золе, всплыл последний разговор с дедом Прохором. Это было еще до того, как дед ушел на войну.

– Деда, – прошептал Лешка, глядя в темноту избы, – а немцы... они тоже люди? Бабушка говорит, Бог всех создал. Зачем же Он их такими злыми сделал?

В его воображении дед Прохор сидел рядом, улыбаясь, шутился, как при жизни.

– Видишь ли, Алексей, – отозвался в мыслях голос деда, спокойный и рассудительный. – Сад у Бога велик, да не всякая трава в нем целебная. Есть пшеница, а есть лебеда. Лебеда ведь тоже растет, тянется к солнцу, да только колос у нее пустой, а корень – жадный, чужую соковую силу забирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.